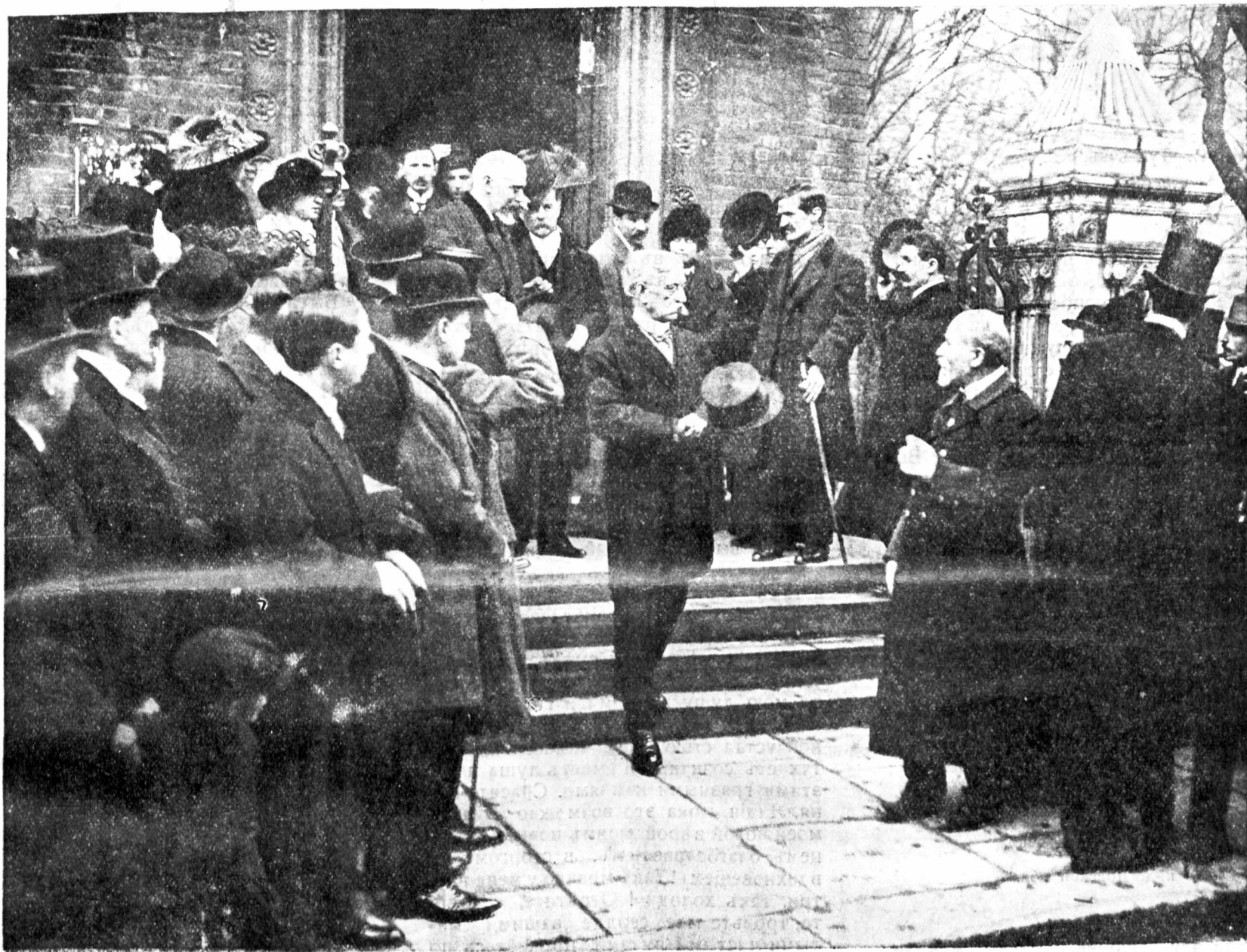

Воскресенье, 6-го Января 1913 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11184.

ЛОНДОНСКАЯ МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ.

Греческая делегація во главѣ съ Венизелосомъ, сопровождаемая членами греческой колоніи, выходитъ изъ греческой церкви въ Лондонѣ.

Да и нѣтъ.

Итакъ, вы принесли въ жертву ваше самолюбіе и написали мнѣ. Правда, это письмо блѣдно, какъ лилія. Оно такое скупое, и я не почувствовалъ въ немъ ни тоски, ни любви, но оно точно ударило меня, опять зажгло безуміемъ, опять заставило страдать. Всѣ стѣны, которыми я пряталъ мою душу отъ васъ, рассыпались, точно дѣтскіе картонные домики.

Вы знаете, у меня задрожали руки, когда я его взялъ. Боялся распечатать. Ну, зачѣмъ, зачѣмъ вы его мнѣ прислали?

Вы недостаточно смѣлы, можете быть, недостаточно красивы, что бы пойти мнѣ навстрѣчу. Вы не хотите порвать узы, которыя привязываютъ васъ къ вашему дому, не хотите кра-

сиво и гордо освободиться отъ старыхъ предразсудковъ, традицій и правилъ и въ то же время не говорите мнѣ полного—„нѣтъ“! Сегодня убиваете, а завтра зажигаете новую надежду.

Вы—самая чудесная и жестокая женщина изъ всѣхъ, которыхъ я зналъ. Вы по-дѣтски не понимаете моихъ страданій и пытаете меня своимъ вѣчнымъ молчаніемъ и отдаленностью. Вамъ, повидимому, достаточно было бы моихъ писемъ, но вы не понимаете, что я не имѣю даже этого.

Я почти увѣренъ, что вы дорожите моей любовью.

Васъ пѣвнѣе ея красота, ея исключительность, ея тихая грусть, но сами любви не даете, пожалуй, боитесь дать, боитесь что то нарушить и не понимаете, что одно настоящее ласковое слово сдѣлало бы меня такимъ радостнымъ и свѣтлымъ!

О Лидія, у васъ такое сонное сердце, такіе сонные глаза!

Ваше письмо... Зачѣмъ? Развѣ вы не поняли, отчего я молчалъ почти пять мѣсяцевъ? Да оттого, что вы не давали мнѣ любви, оттого, что я хотѣлъ вычеркнуть васъ изъ сниска жизни. А вы вздумали нарушить это молчаніе нѣсколькими скупыми словами. Это же жестоко, это же преступленіе! Опять ничего не даете, но зачѣмъ же тогда бередите мою душу? Представьте себѣ раненаго, который стонетъ отъ боли, губы котораго пересохли отъ жажды. Онъ проситъ помощи. Наконецъ, къ нему подходитъ сестра милосердія, но воды не даетъ и только улыбается. Лучше бы она совсѣмъ не подходила! Вѣдь, это новое страданіе—видѣть ее такъ близко и ничего не получить. Вы поступили именно такъ. Вы опять подо-

Члены 4-й Государ

И. И. Туляковъ,
с.-д. Донской обл.

И. И. Циммеръ,
прогр. Донской обл.

Е. Д. Логвиновъ,
прогр. Донской обл.

Ф. В. Черячукинъ,
к.-д. Донской обл.

шли ко мнѣ, но съ пустыми руками. То же спокойно бьющееся сердце и сонные не понимающие глаза. И опять съ ваших губ не сорвалось ни одного слова, которыхъ мнѣ нужны.

Въ вашемъ письмѣ есть фраза: „Если вы любите меня еще...“ Какія кошунственные слова! Какъ можно играть ими! Зачѣмъ вамъ эта любовь, когда вы сами не хотите любить? Вы не смѣете даже упоминать о ней, потому что сами всегда только оттал-

я дѣлалъ вамъ въ эти ночи, сколько словъ кричалъ въ проклятую нѣмую темноту! И развѣ вы не чувствуете, какъ въ вашей рукѣ дрожитъ ножъ, которымъ вы убиваете человѣка?

О, нѣтъ, я не забылъ мою прическу! Самые веселыя зрѣлища не дали мнѣ и крупинки счастья, которое давала она; сотни книгъ не заставили забыть самыхъ незначительныхъ ея словъ; десятки женщинъ не замили ея вѣчно свѣтлый, единственный и царственный образъ.

Какъ вы нужны моей бѣдной душѣ! Помните, я говорилъ вамъ: „Лидія, я такъ много видѣлъ, такъ много страдалъ. Люди систематически убивали все мое хорошее. Они уничтожили мою вѣру, мой смѣхъ, мой восторгъ; они все опечалили и забросали мою душу камнями и грязью, напятили ее великимъ мракомъ, великой усталостью. Еще немного — и потухнетъ сознание, и умретъ душа подъ этими грязными камнями. Спасите меня, Лидія, пока это возможно. Будьте моей новой вѣрой, моимъ новымъ солнцемъ, благословениемъ, восторгомъ и вдохновениемъ! Такъ мрачно у меня внутри, такъ холодно! Овѣтите, согрѣйте, троньте мое сердце вашими милыми чистыми руками, пролейте по моей душѣ бодритъ серебрянымъ ручьемъ, тогда вся она очистится, вся оживетъ, вся напитается свѣтомъ, и не будетъ холода, отчаянія, темныхъ жуткихъ угловъ!“

Вспомните, какъ я молилъ васъ объ этомъ. Но развѣ вы поняли этотъ крикъ души, которая умираетъ? Развѣ вы поняли, что являйтесь для меня первой и послѣдней, что только у васъ мое солнце и, если пройдетъ

мимо — дальше только мракъ, пустыня, отчаяние.

Вы не поняли, и я рѣшилъ убить и васъ, погасить послѣднія свѣчи въ моемъ храмѣ. Вѣдь, я такъ страдалъ, моя Лидія!

И вотъ, мое молчаніе четыре мѣсяца было казнью, которую я творилъ надъ самимъ собой. Вѣдь, это я любовь мою убивалъ; это я самому себѣ кричалъ: „замри, успокойся, выходи нѣтъ!“ И сколько разъ ночью,

А. Г. Афанасьевъ,
прав. Донской обл.

схватившись за голову, я говорилъ самому себѣ, какъ старшій младшему: „Засни, моя тоска, не кричи такъ громко, мое бѣдное сердце! Ну, не надо плакать. Солнце умерло, и вотъ идетъ родная ночь. Она сострадательна, она все спрячетъ, она все усыпитъ. Забудь все, мое одинокое сердце, усни, моя тоска. Я такъ усталъ!“

Я молчалъ, потому что убивалъ вашъ образъ, убивалъ мою любовь. Стыдно? Но развѣ вы сами не казни-

С. Т. Нежданскій,
нац. Екатеринос. губ.

Г. Г. Филатовъ,
прогр. Екатеринос. губ.

И. И. Панчинскій,
окт. Екатеринос. губ.

И. В. Годневъ,
окт. Казанской губ.

ственной Думы.

К. П. Григоровичъ-Барскій,
нац. Кіевской губ.

С. А. Ивановъ,
г. Кіевъ.

М. В. Митроцкій,
нац. Кіевской губ.

А. И. Савенскій,
нац. Кіевской губ.

те эту любовь, какъ тупой и безсердечный палачъ? Вы такая чудесная, отъ которой ко мнѣ должно было бы придти солнце! И развѣ ваше преступленіе не болѣе страшно, не болѣе кошунственно?

Одну мою ночь, Лидія, я никогда не забуду.

Тѣ, которые стрѣляютъ въ високъ, мнѣ кажутся низкими и трусливыми дѣтьми. Вѣдь, боги ужасно и

обратной сторонѣ начать писать слова, которыхъ рвали къ вамъ. Товарищъ толкнулъ меня: „Брось“. — и мы чопулись. Я расхохотался и бросилъ.

Нѣтъ сидѣть толстый обрюзгшій человѣкъ, и я слышалъ, какъ вслѣдъ проходившей шансонеткѣ онъ шлепнулъ своими жирными губами: „пикантная баба“. А въ это время насценѣ другая баба показывала свои ноги, выворачивала низкую сую тѣло и пѣла что-то противное и лип-

кое, какъ замазка. Ея визгъ разносился по всему залу, смѣшивался съ чавканьемъ и смѣхомъ.

О Лидія, мнѣ хотѣлось кричать, мнѣ хотѣлось упасть къ вашимъ ногамъ и молить о спасеніи. Это моя душа, — худенькая озлобленная дѣвочка просила спасти ее. Но вы ее никогда не слушали, ни разу не приласкали.

Я опустил голову на руки, я хотѣлъ плакать, но прямо подъ моими глазами на тарелкѣ лежали разворо-

Н. Н. Чихачевъ,
нац. Кіевской губ.

Бар. С. Э. Штейгеръ,
нац. Кіевской губ.

Н. А. Жилинъ,
нац. Кіевской губ.

Къ кончинѣ знаменитаго французскаго художника.

Баталлистъ Эдуардъ Деталь,
скончавшійся въ Парижѣ.

дерзко выстрѣлить въ душу, отравить душу. Потомъ люди смотрятъ въ твои глаза и удивляются, что они такъ странны. Не понимаютъ, что за этими глазами, какъ за черными окнами въ большой, пустой комнатѣ, лежитъ мертвая застрѣленная душа, — убитая бѣлая птица.

Въ эту ночь, Лидія, я стрѣлялъ въ мою душу. Для виска довольно одной пули. Для души... Бѣдная! Я выпустилъ въ нее всѣ заряды.

Она стояла предо мной, какъ худенькая, озябшая дѣвочка. Она съ мольбой протягивала ко мнѣ свои тонкія, такія жалобныя ручки. Она качалась, какъ лилія на вѣтрѣ, а я стрѣлялъ, и изъ новыхъ ранъ новая послѣдняя кровь растекалась по бѣлому хрупкому тѣлу... Я не пожалѣлъ... А вы пожалѣли?

Это было въ какомъ то большомъ кабацѣ.

Люди чавкали и гаплодировали. Я схватилъ вдругъ программу и на ея

ценная селедка, мастины и крошечные огурцы. И... Я расхохотался.

Вы всегда боялись моего смѣха, но только теперь онъ, дѣйствительно, сталъ страшнымъ. Дьяволъ ближе человѣку, чѣмъ звѣрю. Мнѣ казалось, что смѣюсь не я, а кто-то сидитъ рядомъ и хохочетъ. Этотъ хохотъ тяжелыми кусками вылеталъ изъ горла, походилъ на неровные черные камни, которые съ грохотомъ и трескомъ сыпались на полъ.

И вотъ, я началъ говорить самыя злыя, самыя грубыя и пошлыя слова, а мысленно еще страшнѣе издѣвался надъ вами. Васъ убивалъ, любовь мою убивалъ. Тушилъ послѣднія свѣчи въ моей душѣ, чтобы отдалить ее навсегда смерти, чтобы только не страдать такъ остро и мучительно.

Подошла какая то женщина. Помню — сказала: „Какіе у васъ странные, холодные глаза“. А я расхохотался ей въ лицо.

Вѣдь, это за черными окнами моихъ глазъ, въ большой и пустой ком-

натѣ лежала моя застрѣленная душа, какъ бѣлая окровавленная птица.

И, знаете ли, мои глаза, дѣйствительно, стали особенными. Можетъ быть, вы видите, какъ сейчасъ изъ этихъ буквъ, они смотрятъ на васъ такъ тяжело и неподвижно?

...Да, люблю; да, не забылъ. Но зачѣмъ это?

Развѣ твои проклятыя деревянныя губы вздрогнуть? Развѣ всѣ мои слова не провалятся опять въ черную злую яму? Развѣ проснутся твои глаза, и пойдешь ты ко мнѣ на встрѣчу смѣло и красиво?

Ты могла дать мнѣ цѣлый міръ, а вмѣсто того украла послѣднее. Ты могла воскресить, но убила, убила маленькую худенькую дѣвочку, которая такъ довѣрчиво тянулась къ тебѣ! Я пришилъ крылья къ твоимъ плечамъ, я вознесъ тебя къ самому небу, а ты захотѣла шлепнуться на землю! Женщина! Маленькая, глупая птица! О, какъ я тебя ненавижу и презираю! Эго ты не захотѣла понять меня, понять мое чувство, мою красоту, мою мысль! Жаккая, какъ червякъ, какъ гусеница! Я хохочу, слышишь? И пусть всѣ черные камни моего смѣха обрушиваются на тебя съ грохотомъ и трескомъ. Камни на твою могилу! Слышишь? На твою могилу!

Я такъ тебя презираю!

Ал. Станкевичъ.

† Николай Александровичъ Чернай,
профессоръ харьковского технологического института.

Г. Финци - Магрини

(колоратурное сопрано).

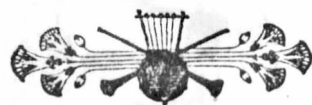
Къ ея гастролѣмъ въ харьковскомъ оперномъ тѣвѣ.

вѣдующимъ королевскимъ столомъ. Главный поваръ внимательно разсматриваетъ это меню и долго надъ нимъ размышляетъ. Потомъ снѣ молча передаетъ его своему помощнику, медленно выходитъ изъ дворца, садится въ свой автомобиль и уѣзжаетъ.

Въ пять часовъ дня тотъ же автомобиль остановился у подъѣзда дворца. Это опять приѣхалъ главный поваръ, чтобы лично заняться обѣдомъ короля. Онъ одѣваетъ бѣлый халатъ и, какъ главнокомандующій, отдаетъ приказанія своимъ подчиненнымъ, которые весьма многочисленны. Важный и сосредоточенный, онъ наблюдаетъ за всѣми движеніями поваровъ. Иногда онъ дѣлаетъ рѣзкій жестъ или бросаетъ короткое распоряженіе. Только въ рѣдкихъ случаяхъ онъ пробуетъ изготавляемые блюда, ограничиваясь, по большей части, словесными указаніями. Но зато, когда въ меню фигурируютъ кушанья, особенно любимыя королемъ, мистеръ Гримсби самъ беретъ за дѣло. Ровно въ семь часовъ онъ оставляетъ дворецъ до слѣдующаго утра.

Главный поваръ короля—неподражаемый артистъ въ своемъ искусствѣ. Онъ получаетъ 20,000 руб. въ годъ постоянного жалованья, не считая особаго вознагражденія за исключительные случаи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, рассказываетъ „Ю. М.“, одинъ американскій крезъ, какой то мясной король, хотѣлъ сманить у короля его повара. Онъ предложилъ ему годовой окладъ въ 50,000 рублѣй. Но благородный британецъ послалъ американцу слѣдующій отвѣтъ: „Не подобаетъ англичанину мѣнять службу у короля Великобританіи и императора Индіи на мѣсто у короля окороковъ и царя мясныхъ тушъ“.

НЕ ЖДИ!

По горамъ ползутъ туманы
Молчаливой чередой,
Укрываясь караваномъ
За скалистою грядой.

Небо хмурится, темнѣетъ,
Потускнѣла моря даль.
Какъ-то на сердцѣ пустѣетъ,
Какъ-то прошлаго мнѣ жалѣ!

Въ головѣ туманной дымкой
Мысли, образы встѣютъ
И волшебной невидимкой
Тихо о быломъ поютъ...

Мысли, образы тумановъ
Исчезаютъ впереди,
И безъ лести и обмановъ
Сердце шепчетъ мнѣ: „Не жди!“

Леонидовъ

